

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

КЛАССИК СОВЕТСКОГО ДЕТЕКТИВА

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

ШАКАЛЫ

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Шакалы / Николай Леонов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Николай Леонов — классик советского детектива).

ISBN 978-5-04-182998-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Поначалу полковник МВД Лев Гуров не хотел заниматься делом финансового магната Горсткова. Простую задачу — обеспечить безопасность дочери бизнесмена — можно было поручить любому оперу и не беспокоить такого аса московской милиции, как Гуров. Но обычное на первый взгляд дело привело сыщика на самые высокие этажи власти, где коррупция, клановые интересы, непомерные политические амбиции и холодный расчет подготовили почву для преступления иного масштаба. Покушение на жизнь президента страны — а вот это уже уровень компетенции легендарного сыщика...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182998-8 © Леонов Н., наследники, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

В России каждому известно, что понедельник — день тяжелый. Даже если в рот не берешь спиртного, физически чувствуешь себя превосходно, все равно в первый день недели работать не хочется, что вполне естественно, даже машину, прежде чем ехать, некоторое время прогревают, хотя она и железная. Ну, а коли в выходные было выпито, о понедельнике лучше не говорить. Сам старик Даль таких слов бы не нашел.

Конечно, лучше, чтобы наша история начиналась в другой день, известно, лучший день недели — пятница, но против правды не попрешь. Наступило двадцать второе января, в воздухе мельтешили снежинки, их было немного, вели они себя нерешительно, полагалось бы опускаться на землю, но снежинки никуда не спешили, безмятежно порхали, прилипали к лобовому стеклу автомобиля, люди, у которых автомобиль отсутствовал, поднимали воротники, и именно там, за воротниками, снежинки стремились найти свое последнее пристанище.

Старший оперуполномоченный уголовного розыска полковник Гуров снял короткую дубленку, сильно ударил ею по двери своего кабинета, постучал ногами и переступил порог.

Станислав Крячко, тоже полковник-важняк и друг, уже сидел за столом и якобы писал.

— Добрый день, Станислав, — сказал Гуров, вешая дубленку на угол дверцы шкафа.

— Ты начальник, — Крячко с довольной улыбкой отложил ручку, потянулся, — если этот чертов день изволишь именовать добрым, я согласен.

Гуров еще раз топнул, сбивая снег с ботинок:

— Неужели у двери нельзя положить коврик?

— Воруют, могу украсть у соседей, так ведь если только гвоздями прибить. Тебя Петр просил зайти.

Начальник главка генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов был другом оперативников. Судя по тону Крячко, никакого ЧП не произошло, и Гуров недовольно спросил:

— Не сказал, чего требуется? — Он подошел к своему столу, перевернул листок календаря, на котором был нарисован знак вопроса, попытался вспомнить, что данный знак означает, не вспомнил.

Крячко бросил папку в стоявший в углу сейф, щелкнул замком, подошел к другу, снял с лацкана его пиджака несуществующую пушинку, продекламировал:

— «Как денди лондонский одет...» Идем.

— Тебя тоже звали?

— Нет, боюсь, ты заблудишься.

Кабинет генерала находился через две двери от кабинета сыщиков.

— Когда тебя выгонят из конторы, пойдешь на эстраду, у тебя улыбка естественная, а остроумие там не в моде.

Гуров был старше Крячко на четыре года, выше на полголовы, но Станислав ухитрялся смотреть на друга и начальника снисходительно, даже сверху вниз. Гуров был очень талантливый сыщик, но житейски отличался наивностью и полным нежеланием ладить с начальством. Генерал Орлов, хотя и являлся начальником главка, к категории начальников не относился, Гурова понимал, любил, втайне завидовал его простоте в обращении с сильными мира сего. Секрет силы и смелости Гурова был крайне прост: он занимал должность на несколько порядков ниже той, что заслуживал, и ни один министр не мог с сыщиком ничего сделать. Его можно лишь уволить, но такими специалистами не бросаются. Ведь ни один главврач

не уволит уникального хирурга лишь потому, что у него неуживчивый характер. А не дай бог, с близким родственником несчастье произойдет или с кем из окружения президента, к кому за помощью кинешься, скальпель доверишь?

— Лев Иванович, прошу, о вчерашней передаче помалкивай, мы менты, политика не нашего ума дело, — сказал Крячко, открывая дверь в приемную Орлова.

Вчера вечером в передаче «Итоги» интеллигентно, но откровенно высекли президента. Уничтожение села Первомайского, где окопались чеченские террористы, удерживающие заложников, обсуждалось в газетах и на телевидении всю неделю, и силовыми министрами называлось операцией по освобождению заложников и расценивалось как безусловный успех федеральных сил и суровый урок генералу Дудаеву. Вчера в «Итогах», когда все сказанное президентом и сделанное военными министрами за минувшую неделю показали и озвучили последовательно, то произошел конфуз. Выяснилось, что президент постоянно говорил глупости и неправду, а многозвездные генералы творили беспредел, совершали преступления.

Крячко прекрасно знал: Гуров тяжело воспринял происшедшее и не преминет свою точку зрения высказать. Если в кабинете, кроме генерала Орлова, никого не будет, то все нормально, пусть Лева что угодно говорит, Петр отмолчится, может сказать, мол, занимайся своим делом, не суй нос куда не положено. Но в кабинете генерала могут находиться журналисты...

— Мальчики! — воскликнула секретарь генерала Верочка. — Вам бы лучше пойти в буфет. Только что пришел Бардин, чудится, разговор проходит на базах.

Генерал-лейтенант Николай Ильич Бардин был заместителем министра, курировал уголовный розыск, ни черта в сыском деле не смыслил, но мужик был приличный, последнее время начал захаживать в кабинет своего подчиненного.

Станислав Крячко высказывал предположение, что зам прячется от прессы, которая осаждает его целыми днями.

— Пойдем от греха! — Станислав подтолкнул друга к двери. — Министр в этом деле увяз, я слышал, как рядовой боец костерил его по «ящику».

— Мы розыскники, к войсковым операциям отношения не имеем, — ответил Гуров. — Верочка, меня вызывали, доложи. Пусть генерал решает, нужны мы ему сейчас или нет.

— Верунчик, не делай этого, — быстро сказал Крячко.

— Полковник Гуров не появлялся? — раздался из динамика голос Орлова.

Верочка нажала кнопку и ответила:

— Полковники Гуров и Крячко только вошли, Петр Николаевич.

— Пусть заходят, — сказал Орлов.

— Ну, пошли, сказал приговоренный, укладываясь на плаху. — Крячко открыл тяжелые двойные двери.

— День добрый, господа генералы, — сказал Гуров, входя в кабинет.

— Здравия желаю, — произнес Крячко из-за плеча друга.

Бардин, как обычно в элегантном штатском костюме, молча кивнул. Орлов привстал из-за стола, протянул подчиненным руку.

— Здравствуйте, присаживайтесь, — и строго взглянул на Гурова, пока тот не успел отправиться на свое любимое место у окна.

Гуров понимающе улыбнулся, сел на один из жестких стульев у стола для совещаний — сыщик не терпел мягкие гостевые кресла. Около месяца назад у него с заместителем министра произошел жесткий разговор, и, несмотря на то, что они симпатизировали друг другу, Бардин с того дня держался с Гуровым отчужденно. Начальник не желал первым делать шаг к примирению, а сыщик на подобные мелочи просто не обращал внимания.

— О политике говорить не будем. — Орлов привычно закрыл лежавшую перед ним папку, отодвинул в сторону, словно очищая место для поля боя.

— Ясное дело, мы не политики, а уголовники, — поддержал начальника Крячко.

— И безопасно, в политике стоит губами шевельнуть, дерьмом захлебнешься. — Гуров вынул сигареты, глянул на Орлова, получив его молчаливое разрешение, закурил. — Министра жалко, вроде стоящего мужика получили, вляпался, теперь нового жди.

Сыщик разговаривал так, словно замминистра в кабинете и не присутствовал. Бардин болезненно поморщился:

— Лев Иванович, вы вроде человек воспитанный.

— Мой отец, между прочим, генерал-полковник, в деревне своими руками сарай строит, — ответил Гуров. — У бати лишний топор, Николай Ильич, всегда найдется.

— Поговорим о деле. — Орлов на секунду прикрыл глаза, вынул из папки конверт, протянул Гурову: — Взгляни, пока ты топор в руки не взял, это по твоей части.

Гуров поднялся, взял конверт, осмотрел, сказал утвердительно:

— Пальцы уже смотрели.

— Наверное, — насмешливо ответил Орлов. — Письмо принес Николай Ильич, получил от адресата.

Конверт был нестандартный, заграничного производства, без марки и почтового штампа.

— Люблю анонимки. — Гуров вынул из конверта сложенный вчетверо листок, развернул, посмотрел бумагу на свет, лишь потом прочитал: «Уважаемый Юрий Карлович, поберегите дочь». Подпись была неразборчива, тем не менее Гуров сказал: — Автор — человек смелый, ничего не боится. У Юрия Карловича отец немец? И кто он такой, Николай Ильич?

— Горстков, — ответил Бардин. — Горстков Юрий Карлович на сегодняшний день в России финансист первой величины. Очень порядочный человек.

— Сам признался? — безразлично спросил Гуров, протянул письмо Станиславу, который взял конверт, не открывая, положил на угол генеральского стола.

— Я вас за год с лишним узнал достаточно, — сказал Бардин. — Потому не вызвал, а пришел сам, прошу отнестись к делу серьезно.

Неожиданно в разговор вмешался Крячко:

— Мы люди серьезные, господин генерал-лейтенант, на нас бессмысленно оказывать давление. Если Петр Николаевич приказывает, а Лев Иванович может приказ выполнить, мы расшибемся, но расстараемся. Я не читал, но, как понимаю, здесь угроза либо предупреждение. Горстков не просто финансист, мультимиллионер, он фигура политического окраса, пусть им занимается соответствующая спецслужба.

Бардин поднялся, кивнул Орлову:

— Извините, Петр Николаевич. — И вышел из кабинета.

— Станислав, черт тебя подери! Бардин замминистра, пришел за помощью, на самолюбие наступил! — повысил голос Орлов. — Чего тебя понесло, меру надо знать!

— Когда президент влезает в дерьмо, так элитные подразделения в чистом поле расстреливают! — начал было Гуров.

— Молчать! — Орлов шарахнул кулаком по столу. — Вы офицеры, существует субординация! — Он передохнул, потер ладонями лицо. — Черт меня дернул дружить с вами!

— Черт тебя дернул двадцать лет назад, — спокойно ответил Гуров. — Ты тогда не был большим генералом. А приказать ты тогда мог и сегодня можешь. Ты прикажешь, мы будем выполнять, согласно субординации. Это дело личное? — Он указал на конверт, кивнул Крячко. — Прочти, хотя там ничего нет нового. Если бы такую бумажку получил зачуханный инженер, то дежурный по отделению милиции выбросил бы ее в мусорную корзину.

— Юрий Карлович Горстков финансирует предвыборную кампанию одного из кандидатов на пост президента...

— Я понял, Петр Николаевич, — перебил Гуров, — но должен соблюдаться хотя бы элементарный порядок. С подобными угрозами обязана разбираться служба безопасности, а не милиция. Петр Николаевич, дорогой мой, я не